

ХРОНИКА

XI МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИСКУРСОЛОГИЯ: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО» (ЛУГАНСК, 17–26 МАЯ 2012)

XI Международная конференция «Дискурсология: язык, культура, общество» проведена в инновационном формате. Причины разные. Но есть главная — желание расширить круг общения через использование новых форм контента и связанных с ними способов реальной интерактивности.

Интернет-конференция относится к числу новых, но достаточно активно развивающихся во всём мире форматов общения представителей научных сообществ. Достоинства коммуникативной новации несомненны: экономятся средства и время, информация любого рода быстро распространяется, возникают новые, не запланированные, но весьма полезные контакты, наиболее плодотворные идеи участников начинают резонировать — укрепляется необходимая для развития любой науки диалогичность, утверждается значимость impact-online (impact здесь не в значении цифрового рейтингового показателя, а в значении «влияние», «воздействие», «распространение»).

Через соответствующие тематике конференции интернет-сайты была проведена рассылка информационного письма, что естественным образом увеличило возможности расширения научных контактов.

Особенно важен факт существования сайта конференции (www.da.21.luguniv.edu.ua), который включает ряд информационно-познавательных рубрик (*новости, материалы конференций, видеоматериалы, форум, программа конференции, архив, бэкграундер кафедры* и нек. др.) и постоянно пополняется актуальной информацией. Так, на сайте в процессе формирования списка участников последовательно размещались поступающие в редакцию статьи с тем, чтобы до начала конференции сформировалось необходимое для дискуссий проблемное поле. Связь между научным действием и временем его восприятия сокращается.

Актуальная информация о заявленных в программе конференции проблемах размещалась также на персональном сайте д. филол. н. Л.Н. Синельниковой (lara-nics.luguniv.edu.ua). Записи в гостевой книге сайта свидетельствуют о проявленном интересе к научно-методическим действиям кафедры.

К числу важных новационных форм работы можно отнести общение с участниками конференции с использованием системы Skype и в варианте видеотрансляции докладов. Видеоматериалы, в том числе заявленный в программе мастер-класс профессора Л.Н. Синельниковой,

представленный в мультимедийном формате, размещены на сайте конференции и на канале YouTube Impactonline21.

В той или иной форме в интернет-конференции приняли участие учёные, представляющие разные страны, города, университеты и научные школы (Киев, Луганск, Днепропетровск, Запорожье, Симферополь, Волгоград, Краснодар, Ростов, Челябинск, Белгород, Барнаул, Ставрополь, Омск).

Была заявлена следующая проблематика интернет-конференции:

Дискурсы XXI века: эпистемологические, социально-психологические, лингвокоммуникативные и прагматические признаки.

Институциональные дискурсы (сложившиеся и складывающиеся). Преодоление институциональности.

Ценностная ориентация дискурсов и дискурсивных практик в глобализирующемся мире. Лингвистика интернет-дискурса.

Гендерная дискурсология в жанрово-стилевом проявлении.

Когнитивный анализ дискурса: концепты, метафорические модели, фреймы, паттерны.

Дискурсология и функциональная стилистика: условия и возможности адаптации.

Дискурсивная семантика языковых единиц.

Дискурс-анализ, его проективные связи с типом дискурса. «Зоны неопределённости» в дискурс-анализе.

Дискурсивная личность vs. Языковая личность.

Участники конференции представили разные позиции и подходы к дискурсу, обозначили множество новых аспектов дискурсологических действий в области не только языкознания и литературоведения, но и в целом в гуманитарных науках. По материалам конференции выпущены два сборника научных трудов общим объёмом 24,4 печ. л. Статьи обоих сборников размещены на сайте конференции.

И весьма важно: мы начали конференцию с того, что почтили память двух её постоянных участников: замечательного филолога, носителя традиций высокой академической науки, профессора Марка Вениаминовича Теплинского и философа, профессора Владимира Фомича Лобаса.

Дискуссия по представленным на конференции материалам прошла в виде круглого стола, участники которого представили свой взгляд на проблемы дискурсологии.

Профессор Л. Н. Синельникова

**Круглый стол
«Дискурсология: от настоящего к будущему»**

Участники:

Лара Николаевна Синельникова,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).

Владимир Ильич Карасик,

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Волгоградского государственного технического университета (г. Волгоград, Россия).

Евгений Александрович Кожемякин,

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики и связей с общественностью НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия).

Елена Ивановна Панченко,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и лингвистической подготовки иностранцев Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара (г. Днепропетровск, Украина).

Татьяна Борисовна Трошева,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Кубанского государственного аграрного университета (г. Краснодар, Россия).

Екатерина Алексеевна Абросимова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и языка массовых коммуникаций Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (г. Омск, Россия).

Яна Олексіївна Бондаренко,

кандидат філологічних наук, доцент, докторант кафедри германської і фіно-угорської філології Київського національного лінгвістичного університету (м. Київ, Україна).

Ирина Александровна Соболева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).

Гигла Паршаванович Джинджолия,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).

Валентина Александровна Розсоха,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).

Элла Викторовна Минаева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).

Татьяна Александровна Пономарёва,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).

Елена Владимировна Грищенко,

аспирантка кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).

Андрей Владимирович Розсоха,

аспирант кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, преподаватель международного образовательного центра «Инглиш Фэст» (г. Жангжиаганг, Китай).

Игорь Сергеевич Масленников,

аспирант кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).

Артём Алексеевич Шмаков,

ассистент кафедры современного русского языка и речевой коммуникации филологического факультета Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия).

Ирина Витальевна Матросова,

аспирантка кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).

Вопросы для обсуждения:

1. Какие достижения в области дискурсологии и дискурс-анализа можно считать особо значимыми для современной гуманитарной науки и современного общества?

2. Помогает или мешает развитию соответствующего научного знания широкое (аморфное) и не достаточно упорядоченное применение понятия «дискурс»?

3. Каковы перспективы развития дискурсологического знания — теоретические (фундаментальные) и практические?

Л. Н. Синельникова: На одном из интернет-форумов я прочитала запись молодого «интеллектуала»: «А что, дискурс ещё не плюсквамперфект?» И внутренне ответ получился не категоричным: многие исследователи используют модный термин, мало согласуя его с рассматриваемым материалом и, главное, не предлагая тех алгоритмов интерпретации, которые проявляют операциональность дискурс-анализа, ориентированного не на декларацию междисциплинарности, а на выявление системно проявленных свойств объекта, обнаруживающих его сущность и объясняющих существование. В то же время дискурсологический подход инициировал множество научных открытий в области текстопорождения, связей языка и культуры, языкового мышления и языкового сознания и т.д. Благодаря дискурсологическим исследованиям общество получило важную информацию о собственном бытии, о типах коммуникативного поведения в институтах власти (политический дискурс), в сакральных сферах (религиозный дискурс), в учебно-образовательных действиях (педагогический дискурс), в пространстве художественной коммуникации (художественный дискурс), в виртуальном пространстве (интернет-дискурс) и т.д. Эти исследования вывели современную науку на новый уровень развития. Дискурсология — не просто междисциплинарный проект, но возможность новой жизни исследователя, включившего своё сознание в широкий мир смыслов в их инвариантности и вариативности.

Л. Н. Синельникова. Вопрос В. И. Карасику:

Можно ли считать фиксируемые дискурсологами динамические процессы в современном коммуникационном пространстве, изменения в жанровых конвенциях и дискурсивных практиках фактами преодоления институциональности дискурсов?

В. И. Карасик: Лара Николаевна, я думаю, это — ключевой момент в развитии и типов современного дискурса, и типов институциональности. Если говорить о демократизации общения как ведущей коммуникативной тенденции, то можно констатировать появление новых признаков институциональности, не всегда явных для посторонних, но важных для своих: шеф и подчиненный общаются как

равные, но у вышестоящего есть «фора» на изменение темы общения, на шутку, на несколько большую свободу коммуникативного поведения в целом. Есть и другие тенденции, которые нужно изучать, и очень хорошо, что в Луганском университете ведутся масштабные исследования дискурса.

И. А. Соболева. *Вопрос В. И. Карасику:*

Мы с большим вниманием и удовольствием послушали видеозапись Вашего доклада (мы так часто Вас цитируем, и возможность понять рождение мысли и осознать обобщающие формулировки дорогого стоят).

Вопрос: *Вы сказали: «Общение шире, чем дискурс». Почему? Ведь дискурс способен отразить все виды общения.*

В. И. Карасик: Спасибо! Для меня терминологически дискурс — это вербальное общение, следовательно, существует и невербальное общение. Когда мы говорим об устном дискурсе, то предполагаем, что в нем есть и элементы невербального общения, но акцентируем именно вербальный способ коммуникации.

Л. Н. Синельникова. *Вопрос Е. А. Кожемякину:*

Евгений Александрович, Вы сделали первую запись в гостевой книге моего персонального сайта, за что я Вам очень благодарна. Очень мягко по форме, но твёрдо по позиции Вы сказали, что важен эпистемологический подход к анализу дискурса. Если можно, определите суть такого подхода.

Е. А. Кожемякин: Базовое допущение эпистемологического подхода к анализу дискурса состоит в том, что всякое познание и всякая коммуникация осуществляются в форме дискурса. Знание конституируется дискурсом или является его эффектом. То, *что* и *как* мы знаем, детерминировано способами тематизации, классификации, описания и иерархизации объектов, которые мы определяем как реальные, а эти способы не являются врождёнными, они «встроены» в исторически, культурно и социально специфичные модели дискурса — «дискурсивные формации», как определял их Мишель Фуко. Дискурс как предмет исследования в таком понимании — это не столько особый аспект общения или самоманифестации, сколько фундаментальное — если не единственно значимое — условие производства знания. Всё, что мы знаем, предопределяется преимущественно содержанием и структурой дискурса. Например, есть существенные различия в содержании и формах знания о «здоровье» в медицинском и религиозном дискурсах, о «государстве» — в политическом и юридическом дискурсах, о «человеке» — в художественном и педагогическом дискурсах, о «новости» — в журналистском и промоцийном дискурсах и так далее. Более того, знание в юридическом дискурсе представлено в форме принципов и постулатов, в художественном — в виде образов, в философском — в виде понятий, в публицистическом — в виде концептов и т.п. Высказывание «здоровье — это отсутствие

соматических патологий» в религиозной коммуникации будет расценено как неверное или неточное знание, а использование в художественном дискурсе точных понятий будет расценено как свидетельство ограниченного знания или невозможности широкого, творческого познания. Знание имеет дискурсную природу, и задачей исследователя является попытаться определить, каковы условия и границы того, что мы считаем нормальным, естественным, допустимым.

Для эпистемологического подхода в дискурсных исследованиях характерен отказ от субъект-объектного подхода к трактовке познания, в соответствии с которым есть некоторое автономное Я как инициатор познания, уже знающее, что и как познавать, и есть некоторое автономное Оно, служащее источником знания. Напротив, в рамках эпистемологического подхода к дискурсу полагается, что понимание и знание являются скорее продуктами *коммуникативной ситуации*, а не исключительно семантических структур или психических процессов. С этой особенностью связана также ориентация дискурс-анализа на изучение *актуальных, а не потенциальных* сообщений. Важна не столько предзаданность сообщений уже существующими правилами, а их реализация в определенных условиях как одних из ряда возможных. В этой связи одной из задач дискурс-анализа является социально-эпистемологическая установка на определение степени социальной и политической предвзятости текстов, степени их включенности в определенный (профессиональный, политический, идеологический) контекст и в совместное конструирование смыслов коммуникантами. Дискурс-анализ в таком измерении представляет собой в высшей степени «полевую», максимально приближенную к естественным коммуникативным процессам научно-исследовательскую процедуру.

Попытаюсь сформулировать основные исследовательские вопросы, характерные для эпистемологического — а точнее, социально-эпистемологического подхода к изучению дискурса: каковы социальные факторы знания, производимого в дискурсной практике? что и в связи с какими социальными условиями признается истинным знанием в различных дискурсах? кто признается экспертом в тех или иных дискурсных практиках и в связи с какими социальными и культурными обстоятельствами?

Л. Н. Синельникова: *На нашей конференции были прочитаны два доклада, посвящённые ироническому дискурсу. Мой вопрос адресуетя обоим авторам — Е. И. Панченко и А. В. Розсохе.*

Вопрос: *Можно ли говорить о существовании иронической картины мира? Какие для этого есть основания? Только ли языковые виды и средства реализации иронии или что-то ещё? Ментальность всегда так или иначе соотносится с вербализацией.*

Е. И. Панченко: Вероятно, можно говорить об ироническом преломлении картины мира, и в этом преломлении основную роль играет индивидуальное восприятие мира. Не случайно, Л. М. Салмина говорит

об иронической картине мира Д. Донцовой, Я.С. Матвеева — об иронической картине мира К. Воннегута и т.п.

Хотя словари фиксируют определенные слова с пометой «ирон.», нам представляется, что значительно большее количество лингвистических средств могут служить выражению иронии, однако тот или иной автор использует их с позиций своей когниции, отражая свои мысли, свое видение ситуации, человека и т.п. В этом проблема неадекватного восприятия иронии реципиентами. Примером может служить творчество бесконечно любимого мной Диккенса. Очевидную, на мой взгляд, его иронию далеко не всегда воспринимают не только обычные читатели, но и многие коллеги-филологи. И причина не в восприятии текста, а в восприятии мира. По моему глубокому убеждению, только ироническое преломление картины мира способно примирить мыслящего человека с самим миром.

А. В. Розсоха: Действительно, ирония непосредственно связана с механизмом человеческого мышления, поэтому можно говорить о существовании иронической картины мира. Ироническая картина мира существует не только в отдельно взятых ремарках автора, но, прежде всего, в его отношении к миру и к самому себе. Вербальная реализация данного отношения представляет собой лишь внешнее выражение иронического взгляда на мир.

В ситуативной, вербальной и текстовой иронии автор поднимается над описываемой ситуацией и относится к объекту иронии с некоторой долей несерьёзности и внешним безразличием. Если такое отношение к отдельным вопросам перенести на себя и окружающих, у человека сформируется особый взгляд на мир, где переосмысливаются общепринятые ценности и модели мышления. Ироническое мировоззрение является, таким образом, своеобразным отношением к окружающей действительности и может быть связано с безысходностью, с желанием индивида разрешить ситуацию в более мягкой форме (дружеская шутка воспринимается адресатом гораздо легче, чем напрямик высказанное замечание), оптимистическим взглядом автора на мир (юмористическая сторона иронии), желанием не вступать в конфликт, а лишь подчеркнуть абсурдность сложившейся ситуации и заставить адресата самого задуматься над той или иной проблемой.

Вопрос о том, насколько такое мировоззрение искусственно, является амбивалентным. Если рассматривать ироническое мировоззрение как роль, которую человек выбирает для себя, то подлинность и искренность этого мировоззрения определяется тем, насколько глубоко человек вживается в эту роль, является ли она для него чем-то наносным, временным, или же он живёт этой ролью.

Ироническое мировоззрение как «отношение ко всему миру вообще» достаточно глубоко рассматривается в работах известного немецкого философа, ученика Мартина Хайдеггера Отто Фридриха Больнова, одну из которых я могу порекомендовать для

всех, кто заинтересовался этим вопросом: Bollnow O. Fr. Schriften: Die Ehrfurcht; Wesen und Wandel der Tugenden / Otto Friedrich Bollnow. — Würzburg : Verlag Königshausen & Neumann GmbH, 2009. — 285 S.

В. А. Розсоха: Коммуникации в Интернете меняют многие традиционные лингвистические понятия и категории; в Интернете на глазах меняется содержание понятий «ортологическая норма», «культура общения», «повседневная речь», «элитарная культура» и многие другие.

Вопрос ко всем, хотя в большей мере к Е.А. Абросимовой и А. А. Шмакову: *Значит ли, что будущее общество будет иметь свой набор когнитивно-поведенческих моделей, не согласующихся с традициями общения, предписаниями этикета, структурой диалога и т.д.? Мир завоевывают блоги и твиттеры, для которых нет (или почти нет) жанровых конвенций и речевых предписаний.*

Е. А. Абросимова: Исследование именно тематических виртуальных сообществ, объединяющих людей по интересам, показывает, что в них складываются определенные традиции общения, этикетные нормы (причем чаще императивного, а не рекомендуемого характера), а также своеобразные жанровые реализации.

Так, в сообществах любителей собак необходимо поздравлять тех, кто выкладывает высокие выставочные оценки своего питомца; желать «хороших выставочных ручек», «пап и мам», «вкусной косточки и мягкой постельки» щенкам, которые предназначены для продажи; писать ритуальные фразы при известии о смерти животного («беги по радуге, малыш», «счастливой охоты», «мягких облачков»).

Жанровые конвенции можно назвать, например, такие. В отчете о выставках принято указывать полную кличку собаки, ее родителей, владельца и заводчика, класс, эксперта, давшего оценку. В сообществах догхантеров (людей, истребляющих бродячих собак по идеологическим соображениям), жанр рассказа об убийстве собаки принято маскировать под жанр «рассказа о сне». В форумах планирующих беременность (сообщества «хочушек») забеременевшая участница должна использовать специальный жанр ритуального «чихания» (считается, что это приносит удачу остальным) и уйти в форум для будущих мам.

По-видимому, тематические комьюнити — гораздо более ритуализированные виртуальные образования, нежели твиттер или блог, так как либо соотносятся с реальной социальной средой, либо формируют собственную структуру, ценности, стратегии, язык.

А. А. Шмаков: Вполне возможно, что в будущем именно так и будет, поскольку не все нормы поведения (в том числе и речевого), привычные обществу, могут быть перенесены в новую коммуникативную среду, которую представляет собой Интернет. Безусловно, на первых порах поведение пользователей контролировалось и контролируется по большей части и по сей день традиционными установками, однако идет процесс становления новых норм и правил поведения в виртуальной среде. Это можно наблюдать на примере таких

форматов общения в Сети, как форум и блог, в рамках которых общение протекает с соблюдением определенных, пока еще не писанных конвенций.

И. С. Масленников: Да, безусловно, будущее нельзя представить без определенных — возможно, даже кардинальных — языковых изменений, поскольку язык не может оставаться в стороне от тех или иных процессов, происходящих в обществе, ведь язык — явление социальное. Однако это не значит, что данные изменения будут носить революционный, а главное, массовый характер.

Кодифицированный литературный язык останется эталоном правильного русского языка, закрепленным в соответствующих актах, и все нововведения будут лишь дополнять, а вовсе не замещать нормативный язык.

Л. Н. Синельникова: А я ещё приведу афоризм в тему: «Новое — это забытое старое, помноженное на Интернет».

Л. Н. Синельникова: В нескольких докладах ставилась цель обозначить дискурсивные требования к субъекту диалогической коммуникации (доклады **Я. А. Бондаренко**, **И. С. Масленникова** и др.).

Вопрос: *Можно ли считать достижением дискурсивного подхода возможность описания диалогического дискурса по субъекту, предмету и форме? Каковы перспективы такого рода описания?*

И. С. Масленников: Принимая во внимание то, что дискурс предполагает систему, а также то, что он обладает свойством целостности, имеет внутреннюю организацию, форму, к нему применимы понятия вида, жанра и стиля, мы полагаем, что в целом можно согласиться с тем, что возможность описания диалогического дискурса по субъекту, предмету и форме является достижением дискурсивного подхода. Перспективы такого рода описания определяются ситуацией общения и способностью адекватно интерпретировать диалогический дискурс, получая при этом качественную обратную связь.

Э.В. Минаева: Прозвучал доклад о гендерной атрибуции (**И.В. Матросова**), в котором были названы векторы, направления такого рода атрибуции, в числе которых — реакция категории рода на гендер.

Вопрос: *Можно ли считать, что слова «жигистка», «анарексичка» и подобные свидетельствуют о дискурсивной семантике грамматического значения рода?*

И. В. Матросова: Спасибо за вопрос, уважаемая Элла Викторовна. Безусловно, Вы правы. На наш взгляд, данные примеры свидетельствуют как раз о дискурсивной семантике грамматического значения рода. Более того, мы можем говорить даже о таком явлении, как гендерный дискурс, все признаки которого, такие как адресат и адресант, место, время и др. языковые категории, могут быть также проиллюстрированы соответствующими примерами.

Продолжая Ваш ряд примеров, хотелось бы добавить такие: «эрудиты и эрудитки», «рекордистки», «милицейки», «охранники и охранницы», «коллеги и коллежанки», «оскароносица». Следует также отметить, что количество гендерно маркированных примеров употребления формы рода растет на глазах. Причем, по мнению специалистов в области гендерной лингвистики, эта тенденция осуществляется подчеркнуто последовательно, и род приобретает значение феминатива (женского наименования лица), назначение которого, на наш взгляд, утвердить равноправие через преодоление негендерной нормы — нормы, закрепленной за мужской картиной мира.

Г. П. Джинджолия. *Вопрос Е. В. Грищенко:* *Можно ли считать категорию соборности анахронистической? Судя по проведённому Вами эксперименту, мы недооцениваем способности нашей молодёжи чувствовать и ценить высокие жизненные смыслы.*

Е. В. Грищенко: Категорию соборности нельзя назвать анахронистической. Это подтверждают данные проведённого нами эксперимента. Концепт *соборность* квалифицируется как одно из проявлений русской ментальности и занимает значимую позицию в русской концептосфере. Концепт *соборность* мы относим к этнокультурным, устойчивым концептам. Этот концепт несколько модифицировался, однако, судя по результатам эксперимента, сохранил свои основные признаки. Репрезентации концепта способствует концепт *совместность*, который является как универсальным, так и этноспецифическим, ключевым концептом русской культуры.

Результаты эксперимента показали, что концепт *совместность* является чрезвычайно актуальным для современной молодёжи. Он не только сохранился в сознании современных молодых людей, но и приобрёл новые характеристики. Зафиксированные реакции значительным образом расширяют интерпретативное поле концепта, подтверждают его взаимосвязь с другими концептами в русской концептосфере.

В.А. Розсоха. *Вопрос А.А. Шмакову:* *Поликодовые и креолизованные тексты — одно и то же или есть отличительные признаки?*

А.А. Шмаков: На мой взгляд, креолизованные и поликодовые тексты не одно и то же. Это как две накладывающие друг на друга матрицы, при помощи которых можно описывать текст. Вопрос о креолизованности текста возникает, когда мы говорим о том, что текст содержит в себе элементы объективно разных семиотических систем. Поликодовым же текст становится, если при его создании используются разные коды или эти коды могут быть «прочитаны» в тексте в процессе его восприятия. Как один код может содержать элементы разных семиотических систем, так и поликодовый текст может быть или не быть креолизованным.

Л. Н. Синельникова. *Вопрос Я. А. Бондаренко:*

Яна Алексеевна, как Вы решаете проблему несоответствия концептуальных картин мира профайлеров и преступников и как ее решают персонажи исследуемых Вами кинотекстов?

Я. А. Бондаренко: Спасибо за вопрос. Следует оговорить тройную призму анализа исследуемого материала: объектом анализа предложенной статьи является когнитивная деятельность профайлеров, анализирующих ценностную картину мира и мотивацию преступника и составляющих на их основе его психологический портрет-профиль. С другой стороны, моделируемая в кинотекстах когнитивная деятельность персонажей является продуктом когнитивной деятельности автора сценария. Несмотря на некоторую условность результатов подобного анализа, он позволяет раскрыть определенные механизмы вербализации когнитивной деятельности языковой личности.

Что касается персонажей-профайлеров, они решают проблему асимметрии своих концептуальных картин мира и концептуальных картин преступников с помощью стратегии эмпатизирования, о чем свидетельствует уже название телесериала «Мыслить как преступник». Однако, если традиционное понимание эмпатии предполагает прежде всего сопереживание, вчувствование, другими словами, вхождение в эмоциональное состояние и — шире — эмоциональный мир Другого, профайлеры в данном телесериале входят не только в эмоциональный, но и в когнитивный мир предполагаемого преступника и пытаются воссоздать своеобразную логику и целесообразность его поступков.

Л. Н. Синельникова: *Не считаете ли Вы, что используемый Вами термин «языковая личность» несколько устарел, а понятие «дискурсивная личность» более соответствует проведённому Вами анализу?*

Я. А. Бондаренко: Я знакома с термином «дискурсивная личность» и признаю его большую точность по сравнению с термином «языковая личность», но на сегодняшнем этапе исследования продолжаю пользоваться традиционным термином «языковая личность», введенным Ю. Н. Карауловым еще в 1987 г., наполняя его новым содержанием. Следует упомянуть также о существовании еще одного термина-синонима — коммуникативной личности, но если термин «дискурсивная личность» расширяет традиционное понимание языковой личности, то термин «коммуникативная личность» его наоборот сужает.

Л. Н. Синельникова: Выбор конкретного термина из ряда синонимов часто определяется вкусовыми предпочтениями определенной научной школы.

И. С. Масленников: *Яна Алексеевна, почему Вы выбрали в качестве материала исследования именно американские кинотексты, ведь их интеллектуальность носит довольно условный характер? Не кажется ли Вам более перспективным объектом анализа камерное кино? С другой стороны, многие российские телесериалы превосходят*

американские, в частности, российские телесериалы «Семнадцать мгновений весны», «Участок».

Я. А. Бондаренко: Спасибо за вопрос. Выбор материала диктовался не только его соответствием специальности 10.02.04 — германские языки, но и акцентом исследуемых кинотекстов именно на вербализации коллективной когнитивной деятельности персонажей. В этом плане американский телесериал «Мыслить как преступник» отвечает задачам исследования гораздо лучше, чем, скажем, российский многосерийный телефильм «Семнадцать мгновений весны», в котором изображается скорее внутренний мир героев, чем выведенная в коммуникацию когнитивная деятельность.

Л. Н. Синельникова: Видимо, есть основания считать, что массовое кино позволяет проанализировать некоторые когнитивные универсалии. В этом плане перспективным может оказаться применение лингвокультурологического подхода.

Я. А. Бондаренко: Я с Вами полностью согласна. С моей точки зрения, о когнитивных универсалиях более правомерно говорить с опорой на массовое кино, нежели на элитарное артхаусное, которое в первую очередь является продуктом самовыражения сценариста и режиссера. Что касается применения лингвокультурологического подхода, это является одним из аспектов предлагаемого исследования, в частности, нами анализируется использование профайлерами прецедентных феноменов в процессе когнитивной деятельности.

Вопрос Л.Н. Синельниковой от нескольких участников Круглого стола:

В программу конференции включён Ваш доклад «Нанолингвистика: реальность существования». Его слушали члены кафедры. Но публикации по этой теме в сборнике нет. А любопытство к проблеме нанолингвистики есть.

Л. Н. Синельникова: Видеодоклад по интересующей вас теме размещён на сайте конференции и на YouTube. Я сказала всё, что на данный момент могу сказать о нанолингвистике, хотя продолжаю работать над проблемой и нахожу всё новые и новые возможности нанолингвистических подходов к разнообразному дискурсивному материалу. Я также очень рада тому, что в докладе Т. А. Пономарёвой «Явление транспозиции в современном поэтическом тексте» есть примеры, абсолютно подтверждающие приоритет нанолингвистических трансформаций в авангардной поэзии.

Г. П. Джинджолия. Вопрос Э. В. Минаевой:

Очень интересный по подбору материала доклад. Как Вам кажется, Интернет-мотивы будут «нарастать» в современных дискурсивных практиках (например, в публицистике) или они останутся идиостилевым признаком поэтических рефлексий?

Э. В. Минаева: Влияние иформатизации на общество в целом, и на язык в частности, приобрело глобальный характер, что проявляется в

разных типах дискурса и на разных его уровнях. Особенно это выражено в дискурсе Интернет-коммуникации, разговорном дискурсе, где можно увидеть глубинные изменения языкового сознания современного человека. Если говорить о публицистике, прежде всего, хотелось бы отметить появление так называемой Интернет-журналистики с её высоким уровнем обратной связи и в то же время с низкой подконтрольностью и ответственностью за транслируемую информацию. Нейтральные компьютерные термины в публицистике метафоризируются, приобретают коннотативное значение, например, заголовок статьи: *«Матрица власти: перезагрузка»*, и в самой статье: *модератором процесса выступает премьер автономии Василий Джарты, поэтому депутаты ВР Крыма попросту ждали, какой алгоритм им предложит Совмин*. Приведем в качестве примера также лид (первый вводный абзац публикации, содержащий опорный факт сообщения) из статьи, опубликованной на сайте Фокус.иа: *Организация Объединенных Наций призвала международное сообщество искать «способы мирного сосуществования» в киберпространстве с целью предотвращения глобальной кибервойны*.

И все же для меня как исследователя особый интерес представляет поэтический дискурс. Именно там, по словам Натальи Александровны Фатеевой, «в рядах и «кругах» слов и их мельчайших делений в рамках стихотворной матрицы рождается концепция «еще не бывшего состояния мира». Осмысление поэтом мира при помощи языка есть ответ мира, осмысливающего сам язык». У поэта особый взгляд на мир, и мир по-особенному вглядывается в поэта.

Можно предположить, что многовекторная информатизация дискурсов будет нарастать, и это связано с возрастающей ролью и стремительным развитием информационных технологий.

В. А. Розсоха. Вопрос И. А. Соболевой:

В формулировку темы Вашего доклада «О нарушении конвенций в употреблении языка. И не только...» включена парцеллированная конструкция «И не только». Что Вы имеете в виду? Что не досказано, но важно в рассматриваемой Вами проблеме?

И. А. Соболева: Уважаемая Валентина Александровна, Вы совершенно верно обратили внимание на недосказанность в заголовке моего доклада, реализованную с помощью парцелляции.

С помощью этого классического приема мне хотелось подчеркнуть универсальность процессов, о которых идет речь, и которые я метафорически называю «временем нарушения конвенций». Эскалация агрессии, нетерпимость к инакомыслию, искажение образа события, неприятие чужой позиции, проявляющиеся в нарушении морально-этических норм (или конвенций), характерны не только для украинского медиадискурса, но и для всего украинского социума. Печально, что наша журналистика не противодействует этим деструктивным социально-

психологическим процессам, а, наоборот, делает все для популяризации и упрочения антагонистических настроений в обществе.

Г. П. Джинджолия. *Вопрос Т. Б. Трошевой:*

Ваши примеры, подтверждающие влияние «разговорности» на такой строго регламентированный дискурс, как религиозный, убеждают во всеобщности процессов демократизации общения. А способна ли «высокость» религиозного дискурса оказать влияние на коммуникативно-речевую культуру, или общество принципиально не способно реагировать на высокий слог как актуальный для языкового сознания?

Т. Б. Трошева: Нет необходимости в том, чтобы высокий слог стал востребованным в повседневной коммуникации. Однако важно, чтобы носители языка (особенно молодежь, чья речь вызывает тревогу) были способны воспринимать (и — в идеале — использовать в уместных случаях) весь стилевый спектр литературного языка. Активность православной церкви и доступность церковного слова в наше время формируют в обществе представление о православном дискурсе, вернувшем к полноценной жизни процветавший в XVIII в. высокий стиль речи, как о явлении «обычного» порядка, как о неотъемлемой составляющей духовной культуры современного общества.

Конечно, молодежь в большинстве своем лишь эпизодически сталкивается с церковно-религиозной сферой жизни, не увлекается чтением церковных печатных изданий и просмотром телепередач с участием священнослужителей. Однако в работе со студентами сделать что-то в этой области все же удастся. В нашем (Кубанском аграрном) университете вводятся новые дисциплины «Основы православной этики», «Основы религиозной нравственности». Преподаватели кафедры русского языка организуют встречи студентов с деятелями православной церкви (лекции, конференции, пастырские беседы), с представителями организации «Православная молодежь Кубани» и учащимися Екатеринодарской духовной семинарии (тематические вечера, диспуты, совместные учебные занятия). И мы видим результаты этой работы. Так, об одной встрече студент факультета ветеринарной медицины написал: «...У отца Симеона глаза светятся добротой. Это удивительный, особенный человек, хотелось слушать его и слушать...». А если слушают, значит слышат. Значит, воспринимают прекрасную литературную речь, впитывают высокий слог религиозного дискурса, оценивают богатейшие коммуникативные возможности современного русского языка.

И. А. Соболева. *Вопрос В. А. Розсохе:*

В вашем выступлении представлен новейший материал, свидетельствующий о развитии текстологии. Можно ли (и каким образом) использовать этот материал и в целом Ваши наблюдения в учебном процессе? При изучении каких курсов?

В. А. Розсоха: Спасибо Вам за вопрос, Ирина Александровна. Ответ однозначный: конечно, этот материал может быть использован в учебном процессе.

Во-первых, понятие текстографики является более широким, родовым по отношению к вошедшим в активный словарь в разное время видовым терминам: стихография, стихографика, ропалический стих и каллиграмма. С этими терминами мы познакомились ещё в школьном курсе литературы. Вспомним, хотя бы «Опыты по метрике и ритмике...» В. Брюсова («Жизнь — игра желаний мимолетных...» и др.); каллиграммы (графические стихи) французского поэта Гийома Аполлинера и его последователей, среди которых Андрей Вознесенский, Павел Сергеев и др.

Во-вторых, визуализация текста позволяет «увидеть» его содержание, передаёт эмоциональную напряжённость текста и устанавливает более тесный психологически-информационный контакт между адресатом и адресантом.

Новое, креативное прочтение текста с помощью текстографики позволяет глубже проникнуть в структуру оригинального текста и расширить его контекст.

Э. В. Минаева. Вопрос Т. А. Пономарёвой:

Александр Левин — единственный поэт, демонстрирующий такую меру частеречной транспозиции? То есть это сугубо идиостилевое явление или уже закономерность? Возможна ли нанолингвистическая интерпретация представленного Вами стихотворного материала?

Т. А. Пономарёва: Современная поэзия обладает некоторым набором типологических признаков, которые отличают ее от традиционной поэзии. Частеречную транспозицию можно считать одним из таких признаков. Утверждать это позволяют наблюдения над современными поэтическими текстами. Можно назвать поэтов, в творчестве которых это явление особенно частотно. Это Евгений Мякишев, Наталья Азарова, Сергей Бирюков и некоторые другие.

Думаю, что современную поэзию (если не абсолютно всю, то, наверное, ее значительную часть) возможно интерпретировать с позиций нанолингвистики. Обусловлено это новаторскими чертами, которые свойственны современной поэзии. Те поэтические примеры, которые приводились, — ярчайшая иллюстрация нанолингвистических трансформаций.

Л. Н. Синельникова. Вопрос Е. А. Абросимовой: *Екатерина Алексеевна, я знакома со многими Вашими работами, поскольку Омская научная школа мне близка по духу и по персоналиям. Спасибо за интересную статью. Мой вопрос касается понятия комьюнити как социальной структуры в Интернете. Эта структура как-то соотносима с социальной структурой вне Интернета? Может быть,*

такой вопрос не имеет смысла, и тогда можно говорить о двух непересекающихся реальностях — реальной и виртуальной?

Е. А. Абросимова: Уважаемая Лара Николаевна, мне невероятно приятно, что Вы проявляете интерес к моим работам и работам моих коллег, ведь мы все учились по Вашим книгам и статьям! Попробую ответить на вопросы.

К настоящему времени в социологии и философии сложилось два представления о сетевом сообществе. Согласно первому сетевое сообщество — это социальная структура, перенесенная в виртуальный мир, то есть комьюнити продолжает функционирование и развитие этой структуры. Второе представление связано с раздвоением общества с момента изобретения Интернета: виртуальное сообщество рождается именно в Сети и существует по своим, особым законам, а традиционное общество идет по своему пути.

На мой взгляд, стоит прислушаться к Н. К. Тальнишних, который в своей диссертации *Культура «сетевых сообществ»* выделил два типа сетевых сообществ: «реально-виртуальные» и «виртуально-реальные». Первый служит в качестве дополнительного, технически продвинутого средства для успешного функционирования группы, уже сложившейся в социуме. Второй возникает и развивается собственно в киберпространстве, приобретая относительную самостоятельность от социума.

К реально-виртуальным я бы отнесла, например, сообщество любителей собак, зоозащитников, фанатов какой-то футбольной/хоккейной команды, то есть людей, уже сформированных в социальную группу. Так, жаргон кинологов существует и вне Интернета, хотя в виртуальном мире он получил новый виток развития. При этом есть определенные традиции, правила, этикетные формулы, появившиеся именно в Сети.

К виртуально-реальным, на мой взгляд, можно отнести материнские форумы (только с появлением Интернета такая большая, весьма аморфная часть населения получила возможность объединиться, выработать общие ценности, правила, этикет, создать специфический жаргон). Сообщества чайлдфри, как и догхантеров, видимо, тоже относятся к виртуально-реальным, ведь по сути это речевая реакция на виртуальные же сообщества (материнские и зоозащитников).

Л. Н. Синельникова: Задать вопрос Екатерине Алексеевне меня подвигли два обстоятельства: во-первых, знакомство со статьёй «Запросы и ожидания студентов, выпускников и работодателей относительно медиаобразования и медиасферы» («Медиадискурс и проблемы медиаобразования», Омск, 2011), в которой, в частности, рассматриваются вопросы медиакомпетенции, во-вторых, собственные преподавательские наблюдения за состоянием языкового сознания студентов. Несколько примеров диалогов, которые могут

свидетельствовать об особенностях языковых предпочтений «фейсбукского поколения»:

— *Симка глючит.* — *Скажи поприличнее: СИМ-карта работает некорректно.* — *Зачем?*

— *Она прошаренная.* — *Возражаю против «прошаренная».* — *Ну, она знающая, опытная, но это не точно.*

— *Деградат.* — *На себя посмотри.* — *Что?! — Энтропия ходячая!*

Переводить со сленга на литературный язык иногда не столько не хотят, сколько просто уже не могут. Оптимизма этот факт не вызывает: происходят существенные изменения в когнитивной сфере носителей языка. Но причины и последствия изменений нуждаются в изучении и понимании того, что нужно и можно изменить, а что принять как данность.

Благодарю всех участников Круглого стола. Надеюсь, что наша небольшая дискуссия полезна всем участникам и что заявленные проблемы и предложенные возможности их рассмотрения получат развитие в последующих встречах и контактах.